

0314

ЦЕНТР ПОЛИГРАФ

HARLEQUIN®

Мейси Ейтс

НЕВЕСТА В НАСЛЕДСТВО

Подари себе мечту

ЛЮБОВНЫЙ РОМАН

Мейси Ейтс
Невеста в наследство
Серия «Любовный роман
– Harlequin», книга 314

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=5824718
Невеста в наследство: Центрполиграф; Москва; 2013
ISBN 978-5-227-04305-4*

Аннотация

Принцесса Изабелла Росси, не желая выходить замуж за шейха, которому была обещана, сбегает из дома. Но далеко уйти ей не удастся. Вскоре ее настигает Адхам, суровый воин, преданный шейху. Он любой ценой должен вернуть беглянку. Но сделать это не так-то просто – невеста не желает быть предметом сделки, да и сам Адхам вскоре понимает, что не в силах расстаться с прекрасной принцессой...

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	17
Глава 3	38
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Мейси Ейтс

Невеста в наследство

Эта книга является художественным произведением.

Имена, характеры, места действия вымышлены или творчески переосмыслены. Все аналогии с действительными персонажами или событиями случайны.

Глава 1

Принцесса Изабелла Росси, окинув взглядом высокого грозного человека, который стоял в дверном проеме ее гостиничного номера, подумала: «Нет, это не официант. Абсолютно точно». Строгий черный костюм как нельзя лучше подчеркивал совершенство мускулистого тела. Выражение лица было непроницаемым, темные глаза – пустыми, на губах замерла улыбка. Квадратный подбородок был сильно напряжен – во всей его позе читалось напряжение. На золотистой коже отпечатались шрамы – на щеке и на запястьях.

– Вы принесли мой ужин? – нервно сглотнув комок в горле, спросила Изабелла.

– Простите? – Ему пришлось вытянуть руки, демонстрируя, что в них ничего нет.

– Я ждала официанта.

– Для чего, интересно, придумали дверные глазки? Прежде чем открыть дверь, неплохо было бы посмотреть, кто там, – заметил он с сарказмом, облокотившись о дверной косяк.

– Спасибо. Я запомню это. – Она попыталась закрыть дверь, но не смогла сдвинуть ее с места – он намеренно подпирал ее плечом. Изабелла сделала еще одну попытку, в этот раз приложив больше усилий. Ни дверь, ни человек не сдвинулись с места. Выражение его лица ни капли не изменилось.

– Вы причинили множество серьезных неприятностей многим людям, в том числе своей охране, и сейчас они на улице, без работы.

Сердце Изабеллы упало в пятки. Мужчине известно, кто она такая. Он пришел, чтобы забрать ее назад – либо в Умарах, либо в Туран. Но она не хотела ехать ни туда, ни туда. Не сейчас.

Вечер свободы – вот и все, что ей удалось получить. Мимолетный взгляд на мир – такой, каким она его больше не увидит.

– Вы работаете на моего отца?

– Нет.

– Тогда, должно быть, на Хассана.

Как же она не догадалась раньше? Судя по еле уловимому акценту, оттенявшему его низкий голос, он был арабом. Ей следовало догадаться раньше, что он действует заодно с ее женихом.

– Вы нарушаете договор. Вы должны были знать, что шейх такого не потерпит.

– Я и не могла подумать, что это взволнует его настолько сильно, но...

– Вы совершили очень глупый поступок, Изабелла. Родители думали, что вас похитили.

Чувство вины, которое она пыталась подавить на протяжении последних двадцати четырех часов, откликнулось спазмами в животе.

– Я не хотела никому причинять беспокойства, – промолвила она, опустив голову.

– А что мы должны были делать, когда вы исчезли? Притворяться, что ничего не произошло, и заниматься своими обычными делами? Вы подумали о родителях, которые потеряли голову от тревоги?

Она безмолвно кивнула:

– Я... Нет. Я даже и не думала, что они будут настолько обеспокоены...

– Я не собираюсь продолжать разговор стоя в коридоре, – вдруг бросил мужчина, заметив в углу обнимающуюся парочку.

Изабелла украдкой посмотрела в ту же сторону и залилась краской от смущения:

– Но я не могу вас впустить!

Он обвел взглядом комнату с простеньким убранством.

– Бедствуете? – съязвил он.

– Нет, отель вполне подходит. Далеко не фешенебельный, но...

– Они бы узнали, кто вы такая. И у них возникли бы вопросы.

Она снова кивнула.

– Я войду, – продолжил он. – С вашего позволения или без него. Очень скоро вы поймете одну вещь, принцесса, – я не исполняю приказы.

– До свадьбы еще два месяца и десять дней, – начала Иза-

белла, почувствовав, как отчаяние вонзается в тело. – Мне необходимо... Мне необходимо это время.

– Вы должны были подумать об этом, прежде чем совершать побег.

– Я не совершала побег. Вы говорите со мной как с непослушным ребенком.

– Вы и есть непослушный ребенок. Я жду.

Судя по свирепым огонькам в глазах незваного гостя, он готов был насильно проложить путь в комнату. Он едва сдерживался – вся мощь и сила его тела словно выпирали наружу, вот-вот готовые вырваться из узды.

Изабелла отступила.

– Мудрое решение. – Он, не медля ни секунды, вошел в маленькую комнатку.

Мужчина был красив. Очень красив. Только сейчас Изабелла хорошо его рассмотрела. Она заметила, какие у него полные губы и как четко они очерчены, даже несмотря на небольшой шрам, который проходил через уголок рта. Она никогда не видела таких темных глаз. Почти черные и очень внимательные, казалось, они видят ее насквозь – будто смотрят прямо в душу. Он мог пробудить в женщине первобытные инстинкты, с которыми невозможно бороться.

– Я вас не впускала, просто была в шоке, вот и все, – объяснила Изабелла, надеясь, что в ее голосе прозвучали хоть нотки властности. Она была принцессой. Она могла повелевать.

– Я же сказал, что войду – так или иначе. И теперь мы уезжаем.

– Я никуда с вами не поеду, – заявила она, отпрянув.

– Вы уверены? – Одна из его темных бровей резко изогнулась.

– Не понесете же вы меня на руках.

– Понесу, если понадобится, – пожал он плечами.

– Вы не посмеете, – возразила Изабелла.

– Смотрите не ошибитесь, принцесса. Я сделаю это. Между вами и шейхом Умараха заключен договор, и я обещал вернуть вас. Даже если мне придется нести вас на руках по улицам Парижа и вы при этом будете пинаться и громко кричать.

Гость медленно обвел ее оценивающим взглядом, задержавшись на бедрах. Его глаза сверкнули в тусклом свете лампы, и принцесса почувствовала себя нагой.

Биение ее сердца участилось – что-то незнакомое и горячее несло по венам.

Изабелла отвела взгляд в сторону, стараясь отыскать хоть крупицу разума. Она подумала о той влюбленной парочке в коридоре. Кровь прилила к лицу и застучала в висках, щеки горели словно в огне.

«Сосредоточься!» – приказала она себе.

Она должна была собраться с мыслями и выработать план, как избавиться от этого человека. Она должна была воплотить свою мечту в реальность – прежде чем принести себя в

жертву во имя долга. Огромный бриллиант на пальце – кольцо, доставленное курьером полгода назад, – постоянно напоминал ей о последних минутах свободы. И этот человек собирался начисто лишить ее единственной надежды пожить ради самой себя.

Всего лишь два коротких месяца пожить собственной жизнью. Так просто, но почему-то казалось, будто все прикладывают неимоверные усилия, чтобы этого не допустить.

Должен быть способ склонить его на свою сторону... переломить ситуацию в свою пользу. Но она ничего не знала о мужчинах. Совсем ничего. Единственным мужчиной, с которым она общалась открыто, был ее старший брат Макс.

Глотнув воздуха, она шагнула вперед и нежно прикоснулась к его руке. Они встретились взглядами, и в воздухе повисла напряженная тишина. Ее словно ударило током. Она быстро отдернула руку, но жар его кожи отпечатался на кончиках пальцев.

– Я не готова вернуться. До свадьбы еще два месяца, и я очень хочу потратить это время на... на себя.

Адхам аль-бин-Судар попытался подавить в себе вспышку ярости. Эта маленькая лисица пыталась искусить его, соблазнить, чтобы добиться своего. Нежное прикосновение было вовсе не невинным поступком, а хорошо спланированным маневром. Кто-то решил взбудоражить кровь мужчины, чтобы она закипела, забулькала, нагреваясь сильнее, горячее. А разве можно устоять перед прикосновениями женщи-

ны с такой внешностью, как у Изабеллы Росси?

Он подумал, уже не в первый раз, как сильно повезло его брату с такой невестой. Хотя сам Адхам вряд ли женился бы на ней, а вот заниматься с ней любовью он был бы не против.

Женщина была великолепна, тело соблазняло округлостями, лицо было безупречным. Ее красота не зависела от предпочтений, она была классической. Высоко поставленные скулы, небольшой вздернутый носик и губы совершенной формы сотворили словно для того, чтобы смущать сердца мужчин.

Она не была похожа на модных современных моделей, а он и не хотел этого. Изабелла Росси, безусловно, была женственной. Он позволил себе задержаться взглядом на полной, округлой формы груди, наслаждаясь ею. Эта грудь могла ввести в искушение даже святого.

Вдруг его охватило чувство отвращения к самому себе. О чем он думал? Он попытался подавить в себе желание, от которого твердела плоть и чаще билось сердце. Это невеста его брата.

Брат умолял его вернуть принцессу, чтобы та не опорочила его доброго имени. Именно за этим он сюда пришел, хотя уже начал сомневаться в правильности своего решения. Вряд ли из этого эгоистичного, разбалованного ребенка, не имеющего понятия о чувстве долга, получится хорошая правительница. Но Изабелла Росси имела хорошее подспорье – преданность своей страны. Вместе с ее приданным к ним пе-

рейдет военно-торговый альянс, чего нельзя было получить ни от одной другой невесты.

– Отправляться неизвестно куда в одиночку было чрезмерной глупостью, – выпалил он, сжимая в кулак всю свою волю, чтобы подавить внезапное влечение. – С вами могло случиться все что угодно.

– Я была в безопасности, – ответила Изабелла. – Я и в дальнейшем смогу позаботиться о себе. Я буду...

– Вы ничего не будете, принцесса, а пойдете со мной. Неужели вы и в самом деле думаете, что вам помогут милая улыбка и ангельское выражение лица?

– Я... я надеялась, что... – Ее сочные губы приоткрылись от изумления.

– Что не придется выполнять обещания? Если бы народ Умараха узнал о побеге невесты шейха, его имя было бы опорочено. Они бы стали сомневаться – подходит ли ему такая жена. Что случилось бы с альянсом? Рабочие места, деньги, безопасность, все блага для нашего народа – все было бы потеряно.

Изабелла прикусила нижнюю губу, в голубых глазах пылал костер. Адхам был раздражен. Но лучше быть раздраженным, чем бороться с внезапным влечением, которое овладело им при первом взгляде на принцессу.

Вскоре она поймет, что он совсем не тот мужчина, которого могут разжалобить слезы. Слезы для него ровным счетом ничего не значили.

– Я не собиралась сбежать с собственной свадьбы. Мне просто хотелось побыть наедине с собой. – Она оправдывалась, теребя кольцо с огромным бриллиантом-солитером на изящном пальце.

– Боюсь, время поджигает.

Опустошение, мелькнувшее в ее глазах, поразило бы многих. Но не его. Он смотрел на нее с презрением. Он видел слишком многое в этом мире, чтобы поверить слезам избалованной девчонки, сожалеющей о свадьбе с невероятно богатым членом королевской семьи.

– Мне так и не довелось посмотреть Эйфелеву башню, – пролепетала она.

– Что?

– Мне так и не довелось посмотреть Эйфелеву башню. Я села на поезд в Италии и приехала в Париж только сегодня вечером. Я бы не стала выходить ночью одна.

– Вы никогда раньше не видели Эйфелеву башню?

Она залилась румянцем:

– Видеть ее, сидя в кортеже, и видеть, стоя рядом, – это две очень разные вещи.

– Вы не в отпуске, а я не гид. Мы едем обратно в Умарах, и чем скорее, тем лучше.

– Пожалуйста, только позвольте мне увидеть Эйфелеву башню.

Ему не доставило бы особого труда выполнить такую простую просьбу.

– Утром. Даю слово, что мы остановимся у башни на пути в аэропорт. Но сейчас вы должны пойти со мной, без криков и пинков.

– И вы сдержите слово?

– Раскрою еще одну тайну о себе, принцесса, – я далеко не любезный человек и не совсем приятный собеседник, но я держу свое слово. Всегда. Это дело чести.

– И понятие чести для вас очень важно, не так ли?

– Честь – это то, что никто и никогда не сможет отобрать.

– Буду считать, что это значит «да», – резюмировала она. – А если я с вами не пойду?..

– Вы пойдете со мной. Будете пинаться и кричать – не будет никакой экскурсии.

– Что ж, полагаю, мой выбор весьма ограничен, – ответила Изабелла, прикусив нижнюю губу.

– У вас только один выход.

Она посмотрела на него с негодованием, плечи смиренно опустились. Она отвела глаза, словно не хотела, чтобы он видел, как ей больно.

– Мне нужно собрать вещи. Я только что разобрала чемоданы. – Она стояла неподвижно, словно приклеенная к месту, такая грустная, такая молоденькая.

– Я не буду делать это за вас, – добавил он язвительно.

Ее глаза раскрылись от удивления, и на щеках выступил нежный румянец.

– Простите. Вы работаете на Хассана, и я думала, что...

– Что я его слуга?

Она пробормотала что-то похожее на итальянское ругательство и, подойдя с гордо поднятой головой к шкафу, раздвинула дверцы.

– Я правда не знаю, как вы собирались жить в реальном мире, принцесса, если до сих пор думаете, что кто-то должен собирать ваши вещи.

Ее плечи напряглись, спина выпрямилась.

– Не называйте меня так больше, – заявила она, не поворачиваясь.

– Принцесса – это то, что вы собой представляете, Изабелла. Та, кем вы являетесь.

– Да кому ведомо, кто я такая, если я сама этого не знаю, – усмехнулась она.

Никакой реакции на замечание не последовало. В его обязанности не входило все время находиться рядом и заниматься психоанализом.

Изабелла резко подскочила и повернулась к Адхаму – в руках грудa одежды, свисающей вместе с вешалками.

– Знаете, вообще-то вы могли бы мне помочь.

Он покачал головой в знак отрицания – едва заметно, наблюдая за ее неуклюжими движениями. На третьей или четвертой попытке она, казалось, выработала какой-то метод – пусть даже не совсем традиционный.

– А кто вам вообще паковал вещи, если уж на то пошло?

Она пожала плечами и залилась краской:

- Один из слуг моего брата. Я должна была покинуть его дом сегодня утром, но ушла на несколько часов раньше.
- Ушли в неведомом направлении?
- Как, вы сказали, вас зовут? – Прищурив глаза и важно поджав губы, поинтересовалась она.
- Я не называл своего имени.
- А могли бы назвать.
- Адхам, – ответил он, умолчав о фамилии и своем родстве с Хассаном.
- Приятно познакомиться, – сказала она, складывая шелковую блузу. – Вообще-то не совсем приятно. Сама не знаю, почему так сказала – наверное, привычка, манеры... – пробормотала она. – Меня так выдрессировали, – вздохнув, добавила Изабелла. В голосе звучало отчаяние, уголки красивых губ опустились.
- Вас это возмущает?
- Да, – ответила она медленно, но твердо. – Да, меня это возмущает. И мне неприятно ваше присутствие, Адхам. Как бы я хотела, чтобы вы ушли, – вдохнув глоток воздуха, выпалила она.
- К сожалению, мы не всегда получаем то, чего хотим.
- А некоторые из нас – вообще никогда.
- Будет вам Эйфелева башня. Этого должно быть достаточно.

Глава 2

Пентхаус Адхама располагался в Седьмом округе Парижа. Такие апартаменты не могли принадлежать человеку, работающему на великого шейха. Было совершенно очевидно – у него имеются собственные средства и, вероятно, определенное положение в придачу. Скорее всего, он был человеком титулованным – каким-нибудь шейхом или кем-то вроде того. Неудивительно, что он не стал помогать ей с чемоданами. Ее просьба была для него унижительной, но Изабелла не хотела показаться грубой – она просто привыкла, что ей все прислуживали. Столько лет она посвятила занятиям, чтению, обучению навыкам, которыми, по мнению родителей, должна была обладать хорошо воспитанная молодая девушка, но среди этих уроков не было ни одного, который научил бы ее складывать одежду или выполнять любую другую работу по дому.

Она всегда считала себя умным человеком – мнение учителей и их оценки были тому подтверждением. Но, осознав, какой ужасный пробел имеется в ее образовании, она почувствовала... почувствовала, что ничего не знает из того, что следовало бы знать. Кого волнует максимальная глубина Темзы, если вы не умеете складывать собственную одежду?

Пытаясь найти хоть какие-то личные вещи этого загадочного человека, Изабелла оглядела комнату. Ни семейных фо-

тографий, ни картин. Те, что висели на стене, были типовым модерном – таким, какой можно было встретить в любом гостиничном номере. Ни единого признака индивидуальности, ни единого намека на то, кем он мог быть или что мог любить. Она только утвердилась в своем первом предположении.

– Вы не проголодались? – спросил Адхам, не поворачиваясь.

– Я могу рассчитывать на что-то кроме хлеба и воды?

– Вы же не в плену.

– Неужели? – Она попыталась сглотнуть комок в горле.

Разве она не была заложницей всех и каждого? Марионеткой, разукрашенной родителями и выдрессированной откликаться на каждое движение веревки.

– Смотря как посмотреть. Если попытаетесь переступить порог этой комнаты, я вам не позволю. Но если не будете предпринимать никаких попыток к бегству, мы сможем вполне мирно сосуществовать.

– Прямо как в тюрьме.

Ее слова не произвели на Адхама никакого впечатления – как будто брать заложниц было его обычным делом. Шевельнулись только губы – шрам поперек верхней губы слегка разгладился при натяжении кожи. В воображении Изабеллы он был воином, и этот пустяковый недостаток его красивого лица еще сильнее подчеркивал этот образ.

– Заключение вы или нет, не важно. Я просто спросил, не

хотите ли поужинать. Думаю, вы не успели поесть до моего прихода.

В животе громко урчало – в напоминание о чувстве голода, которое она испытывала вот уже несколько часов.

– Да, я бы хотела поужинать.

– Тут неподалеку есть ресторанчик. Я у них обычно заказываю еду на дом, когда нахожусь в Париже. Надеюсь, вас это устроит.

– Я... – Вот оно, то самое время... Другого шанса не будет. – Вообще-то я хочу гамбургер.

– Гамбургер? – Он поднял брови от изумления.

Она быстро кивнула:

– Да, я никогда раньше не пробовала гамбургер. А еще чипсы. Картофель фри. Или как он правильно называется? И газировку.

– Неприхотливое пожелание для вечерней трапезы. Думаю, что смогу удовлетворить ваш изысканный вкус. – Ей показалось, что в его голосе прозвучали нотки сарказма. Взяв сотовый телефон, он набрал номер и заговорил на безупречном французском.

– Вы говорите по-французски?

– У меня здесь резиденция, знание языка всегда пригодится, – произнес Адхам, пожав плечами.

– А по-итальянски? – спросила она, направляясь к софе, обтянутой гладким черным материалом, почти таким же приятным на ощупь, как мрамор, и уселась на край.

– Немного. Я в совершенстве владею арабским, французским, английским и мандаринским наречием китайского языка.

– Мандаринским наречием?

Его губы слегка изогнулись – как будто пытались принять форму улыбки. Он уселся на стул напротив нее:

– Это долгая история.

– Я говорю на итальянском, а также латинском, французском, арабском – и, конечно, английском.

– Вы довольно хорошо образованны.

– У меня было много свободного времени, которое я могла посвятить образованию. – Книги сопровождали ее везде: в фамильном доме, в школе для девочек в Швейцарии, где она провела несколько коротких лет. Во многом ее спасало воображение. Там она была свободна, там ее никто не контролировал.

Но в последнее время одного воображения стало мало. Ей нужно было нечто большее – побег. Побег в реальность, не имеющую ничего общего с той жизнью, которую она вела за стенами дворца. А после свадьбы эта стена станет еще более глухой. Будучи окруженной сотнями людей, на самом деле Изабелла была отделена от мира, изолирована от него.

По телу пробежала дрожь, холод одиночества заполнил ее грудь, пробрался в легкие – ей показалось, что она тонет.

– Когда твоя семья возвращается в таких кругах, знание языков может очень сильно пригодиться. Я могла практиковать-

ся с дипломатами.

Во время частых визитов в Италию она встречалась с политиками и другими влиятельными персонами. Люди одного типа – разговоры одной тематики. И всегда под наблюдением.

– А где же вы применяете свои лингвистические навыки? – спросила Изабелла, сжимая кулаки.

– Языки для меня – дело жизни и смерти. Род моих занятий таков, что от того, понимаешь ли ты слова своего врага или нет, зависит твоя жизнь.

По телу Изабеллы пробежал мороз, на руках выступили мурашки.

– Вы... С вами такое случилось?

– Да, я служу своей стране. Своему правителю. Защищать их, а теперь и вас – мой долг.

Непоколебимая преданность Адхама поразила ее.

– Вы пришли за мной именно поэтому? Чтобы защитить меня?

– Вас шейх мог доверить только мне – он бы не отправил первого встречного на поиски своей невесты.

– Ну почему все думают, что меня обязательно нужно держать за руку, чтобы перевести из одной комнаты в другую? – Ею обуяли гнев и досада – казалось, она вот-вот взорвется.

– Потому что вы так ведете себя, – ответил Адхам сквозь зубы.

– Это нечестно. У меня никогда не было возможности са-

мой принимать решения. Все думают, что я на это не способна.

– Если вы и дальше будете проявлять такую же мудрость, какую уже успели проявить, то тогда все понятно.

– Я не пытаюсь избежать своей участи и понимаю, чего от меня ждут люди, и даже знаю почему. Но несколько недель тому назад я вдруг кое-что осознала – я ни разу в жизни не была наедине с собой. Ни разу. Рядом всегда была охрана, которая следила за каждым моим движением, компаньонки, которые диктовали, что надеть, учителя, которые учили, как думать. Моя жизнь была предопределена, и я не могла что-то изменить. – Ее голос прозвучал натянуто. – Мне нужно было только время, чтобы понять, кто я такая.

В комнате эхом прозвучал звонок – принесли еду. Адхам встал и подошел к двери, набрал пароль, чтобы впустить разносчика. Через несколько минут он вернулся с двумя пакетами.

Изабелла попыталась отыскать в себе ту толику оптимизма, который переполнял ее, когда она села на поезд в Италии. В ее распоряжении был всего лишь вечер и несколько часов следующего дня. А поплакать она еще успеет – и будет. А сейчас она пыталась наслаждаться моментом, ужином, который выбрала она, а не королевские диетологи.

Адхам заглянул в пакеты, поставив их на стеклянный кофейный столик. От запаха, наполнившего комнату, живот Изабеллы заурчал еще сильнее. Но она не обращала на это

никакого внимания, завороченно разглядывая руки Адхама. Они были такими мужественными, совершенно не похожими на ее собственные, – широкие и квадратные, золотистого оттенка кожи, с глубокими рубцами на костяшках.

Что он за человек? Откуда все эти шрамы? Он упомянул, что попадал в переделки, когда речь шла о жизни и смерти. Он-то жив, а вот что случилось с противниками? Но страха перед ним не было.

Единственное, что Изабелла знала наверняка, – это то, что хочет избавиться от этого человека. Ведь никто не нянчил ее брата, когда тот выходил в люди и наслаждался свободой. Никто не сомневался, что он вернется для исполнения своего долга. И она сделает то, для чего была рождена. Она всегда понимала, что не выйдет замуж по любви, даже до того, как ей выбрали Хассана в качестве мужа. Но это не означало, что ей хотелось сидеть за семью замками всю оставшуюся жизнь. Всего несколько коротких недель – вот и все, о чем она просила.

Изабелла откусила кусочек гамбургера и закрыла глаза от удовольствия. Гамбургер был гораздо вкуснее, чем она ожидала. Он имел настоящий вкус свободы. Медленно пережевывая мясо, она смаковала момент – и все, что было с ним связано.

Сдерживая слезы, она откусила еще. Неожиданно во рту появился сухой привкус, а в желудке почувствовалась тяжесть.

– Изабелла?

Она подняла голову и встретила пристальный взгляд Адахама. От того, что он наблюдал за ней так внимательно, ей становилось неловко. Ей не нравилось находиться под прицелом этих темных пронзительных глаз – создавалось ощущение, что они смотрят прямо в душу и видят каждое тайное движение ее мысли или переживания.

Она потупила глаза, уставившись на еду.

– Вы так напряженно думаете, Изабелла. Все эмоции читаются у вас на лице, – произнес он наконец.

– До свадьбы остается два месяца, – ответила она, пытаясь придать своему лицу как можно более беззащитное выражение, чтобы вызвать у него хоть какую-то жалость. – Два месяца и десять дней. У меня так и не было возможности сделать то, что запланировала. Я ни разу не была в кино или в ресторане. Я просто хочу... пожить собственной жизнью – прежде чем выйти замуж. – Она вглядывалась ему в лицо, надеясь увидеть там хоть какое-то сострадание. Взамен только пристальный взгляд черных как уголь глаз. Между ними была воздвигнута стена, и она прекрасно это ощущала. – Можно?.. Можно мне сделать хоть толику этого – вместе с вами? – настойчиво продолжала она, а сердце колотилось все чаще.

Эта просьба вызвала у него по крайней мере хоть какую-то реакцию – он слегка приподнял бровь.

– Я вам не нянька, амира. – Арабское слово, обозначающее «принцесса», было произнесено с насмешливыми нот-

ками.

– А я не ребенок.

– Я здесь для того, чтобы вернуть вас жениху. После того как вы завтра увидите Эйфелеву башню, мы полетим обратно в Умарах. Вы вернетесь во дворец, и я передам вас во всемогущие руки великого шейха.

Выражение его лица повергло ее в отчаяние – оно было пустым, но суровым.

– Но... – Изабелла откусила еще один кусочек гамбургера, пытаясь не заплакать. Только не перед Адхамом. Иначе он мог подумать, что она действительно была маленьким глупеньким ребенком, который сам не знает, чего хочет.

Хотя это было почти правдой. Она действительно не знала. И сейчас поняла это. Она не знала ни того, что ей нравится, ни того, что ей не нравится, ни каковы ее нравственные ценности. Она любила только то, что ей говорили любить. А говорили ей то, что было для нее лучше всего.

Она ужаснулась при мысли о том, что может совершенно потеряться, если в ее жизни все изменится – окружающая обстановка, люди. Это было еще одной причиной, почему ей было нужно время – время на поиски себя.

Глубоко вздохнув, Изабелла попыталась улыбнуться. У нее было мало времени, чтобы выработать план, и она не могла поставить под угрозу такое хорошее начало – он не должен был заподозрить ее замысла.

– Я устала, – сказала она. И это было правдой.

– Вы можете лечь в комнате для гостей, – произнес Адхам, указывая на дверь напротив открытой гостиной.

Она положила остатки ужина на вощеную бумагу, сказав, что у нее пропал аппетит, и встала, пытаясь поднять свой розовый чемодан.

Адхам наклонился и положил руку на чемодан – поверх ее руки. Прикосновение обожгло ее, и пламя разлилось по телу. Изабеллу поразило, насколько горячей была его кожа.

– Я сам, – бросил он, поднимая чемодан. Его рука была все еще поверх ее. – Это называется благородством, а не прислуживанием.

По лицу разлилось тепло, в висках застучала кровь.

– Я не знала, что вы считаете себя благородным рыцарем.

– Вообще-то я не считаю себя таковым. Хотите позвонить родителям? Сообщить им, что вы в безопасности?

– Нет. – Изабеллу снова кольнуло чувство вины.

По слегка вздернутой брови она поняла, что он не одобряет ее решения. Ну что ж, хорошо. Пусть обращается со своими родителями так, как хочет, а она будет обращаться со своими, как хочет она.

Адхам поставил чемодан прямо за порогом комнаты для гостей, не переступая его.

– Тогда я сам им позвоню. Ванная комната вон за той дверью. Если что-нибудь понадобится, дайте знать.

– Когда тюремщик делает обход? – спросила она, пытаясь выдавить улыбку.

Он прищурил глаза:

– По вашему мнению, вы обречены на страдания, Изабелла? Вы находитесь в пентхаусе, а считаете, что в тюрьме? Скоро из принцессы Турана вы превратитесь в шейху Умараха – для вас этого недостаточно? Вы эгоистка.

Он повернулся и ушел, а слова его рикошетом ударили в голову. Разве это эгоизм – требовать для себя немного времени, прежде чем всецело посвятить себя королю и народу? Шейху и народу? Ну почему она не могла получить хоть толику сверх того, что было предусмотрено ее благотельными кураторами? Потому что так было неправильно. Как будто все и каждый старались указать ей путь и направить ее. Принудительно. Она знала свое место, но это не означало, что она должна была любить его. И она не позволит Адхаму навязать себе чувство вины.

* * *

Было за полночь, и Изабелла думала, что Адхам уже спит. Ожидание было мучительным. Лежа на плюшевой кровати – это был единственный предмет мебели в пентхаусе, который не был твердым или выполненным в стиле модерн, – она боролась с чрезмерной усталостью. За последние двадцать четыре часа она ни разу не сомкнула глаз. Она бы и не смогла заснуть в поезде, взволнованная из-за побега.

И теперь сну придется подождать.

Она откинула покрывало и встала с кровати – полностью одетая – и как мышка пробралась в другой конец комнаты. Глубоко вздохнув, взяла чемодан. Дальше медлить нельзя – чем быстрее она уйдет, тем лучше.

Приоткрыв дверь комнаты с едва заметным скрипом, Изабелла обвела взглядом темную гостиную. Адхама тут не было, не было видно и света из-под двери его комнаты. Прошептав наскоро молитву, она подошла к парадному выходу, повернула замок и вышла. Осторожно закрыв за собой дверь, она остановилась перевести дыхание, сердце выпрыгивало из груди.

Вторая попытка побега за двое суток.

Коридор вдруг показался таким длинным, а мир огромным. Возможности ее ограничивало время, но она будет карабкаться и цепляться за любые возможности.

Другим была дана вся жизнь на поиски себя, и будущее простиралось перед ними широкой полосой – невиданной, волнующей, прекрасной. А у нее было всего два месяца.

Решимость Изабеллы удвоилась, войдя в лифт, она нажала кнопку первого этажа. Через несколько секунд она оказалась на бульваре, пытаясь уклониться от дождя. В лужах отражался блеск фонарей. Несмотря на поздний час, на улице было много людей, которые сновали туда-сюда, сидели за столиками в кафе, стояли под навесами, разговаривали, смеялись, целовались.

Вот он – настоящий мир. Наконец-то он так близко, что

можно дотронуться рукой.

Она быстро оглядела улицу в поисках такси. Она не знала точно, куда поедет, но на руках у нее было достаточно наличных, чтобы за несколько часов проехать километры.

Вдруг чья-то рука вцепилась ей в локоть, впиваясь клещами в кожу, и потянула в узкую улочку между пентхаусом и французской булочной. Она попыталась закричать, но рука, словно стальной канат, сковала ей грудь, притягивая к твердому теплому телу. Другая рука противника сжала ей рот, прежде чем хоть один вопль успел вырваться.

Она замотала головой, как загнанный дикий зверь, в надежде, что хоть кто-то из людей на улице увидит ее. Нет, никого. Попытки отбиться были тщетными, Изабелла пиналась и молотила ногами, отчего грязные брызги дождевой воды разлетались по воздуху, напирала всем телом в попытке вырваться на свободу, но этот сильный человек, сковывающий ее сзади, даже не шелохнулся. Как будто она боролась с горой.

– Ваши манеры оставляют желать лучшего, – произнес знакомый голос Адхама с едва уловимым акцентом. Ее натянутое как пружина тело обмякло. Лишь на мгновение.

– Вы будете молчать, если я уберу руку? – спросил он не то в гневе, не то в сильнейшем раздражении.

Она кивнула, и рука, сжимавшая ей рот, резко упала. Другой рукой он по-прежнему сжимал ее тело.

Адхам плотно прижимал ее к своему каменному телу. Она

попыталась выкрутиться, но руки его сжались еще сильнее, давая ей понять, что каждая мышца, точеная, как камень, напряжена до предела. На какое-то мгновение ощущение этого человека, осязание всех, даже малейших различий мужского и женского тела заворожили ее.

Ее груди потяжелели, а набухшие соски проглядывались сквозь шелковый бюстгальтер. Сердце учащенно билось, отдавая в шею, голову, внутреннюю часть бедра.

– Вы хоть понимаете, каких приключений ищете на свою голову? – спросил он резко.

Нет, она правда ничего не понимала. Ее тело просило, жаждало быть рядом с ним. Она понятия не имела почему – почему ей хотелось пасть в его крепкие объятия, почему не хотелось сопротивляться. Почему она жаждала прикосновения этих рук, почему ей нравилась истома, наполнявшая тело?

– Вы ищете смерти, – рыкнул Адхам, пытаясь не думать о влечении. – На моем месте мог оказаться кто угодно. Вы разгуливаете среди ночи по улице, держа в руках роскошный чемодан. И выглядите ровно на столько, сколько стоите. Даже хуже, вы смотрите как совершенно наивная богачка – таковой и являетесь. Хотите, чтобы вас ограбили? Или сделали что похуже?

– Я не... Я не подумала об этом... – смущенно пробормотала Изабелла.

Он повернул ее лицом к себе, крепко удерживая руками

по бокам.

– А о чем тогда вы думаете? Что вы собираетесь делать со всей своей свободой, Изабелла? У вас нет ни работы, ни особых навыков. Вы настолько наивны, что даже по улице пройти не в состоянии без посторонней помощи.

Слова его больно ранили – насколько бы ей ни было противно осознавать это, но в них была доля правды: она никогда не работала и не знала, как устроиться куда-нибудь. Не знала, как снять апартаменты. Не умела водить. В ее голове было много знаний, но все они были почерпаны из книг. Ни разу в жизни ей не приходилось применять их на практике, в реальной жизненной ситуации.

– Я найду себе занятие, – настаивала она.

– С таким телом, как у вас, вокруг будет много мужчин, желающих помочь – за определенную плату, – сверкнул он глазами. В глубине этих черных глаз не было теперь равнодушия – в них горело пламя.

– Отпустите меня, – попыталась она вырваться. Она должна была избавиться от него. Все усилия она направила на то, чтобы вырваться из его рук, убежать от него и от этого странного чувства, пронизывающего тело как электрический ток.

В переулке появился мужчина, который сразу обратил на них внимание. Выражение его лица, едва уловимое в тусклом свете фонаря, было озабоченным.

Адхам подтолкнул Изабеллу чуть назад, так что она оперлась спиной о кирпичную стену французской булочной, и,

прежде чем успела воспротивиться, поцеловал ее. Кончик языка требовательно прошелся по ее губам. Она не смогла устоять.

Она ни о чем не думала, кроме ощущения его губ на своих. Его руки бесцельно бродили по ее телу – от бедер к талии и выше по груди. Пытаясь обрести равновесие, она ухватилась за его плечи. Как хорошо, что сзади была стена, а спереди крепостью возвышался он – иначе бы она растаяла и стекла ручьем в одну из луж у его ног.

Вдруг Адхам отдернул руки. В тишине ночного воздуха слышалось его затрудненное дыхание. Изабелла притронулась к губам, они слегка припухли.

– Что... – выдохнула она, не в силах произнести что-либо более внятное.

– Это Париж, – произнес он. – Здесь никто не будет мешать любовникам, даже если они ссорятся.

Он потянул ее за руку, и они вышли из тени, направляясь к главному входу здания. Изабеллу сжигала ярость вперемешку с каким-то теплым, опасным и тревожным чувством. Она снова прикоснулась к губам, желая убедиться, что это не сон.

Войдя в здание, они поспешили в лифт, и двери закрылись за ними. Она не могла поверить, что Адхам поцеловал ее, словно у него было полное право прикасаться к ней... обладать ею. И только чтобы закрыть ей рот.

Хуже всего, что все ее тело пронизывало неумное жела-

ние. Любопытство. Изабелле хотелось поцеловать его снова, только в этот раз поцелуй должен быть длиннее, медленнее и нежнее, чтобы она успела почувствовать вкус его губ и ритмичность движения.

Она попыталась пресечь распутные мечты. Адхам не имел права целовать ее – она была помолвлена с другим мужчиной. Несмотря на безумство фантазий, связанных с побегом, Изабелла и мысли не допускала об измене своему жениху. Она не любила мужчину, с которым была повенчана, и даже не знала его. Но она подписала соглашение и не хотела его нарушать.

«Он поцеловал меня, чтобы закрыть рот», – подумала Изабелла. Ее гордость была уязвлена.

– Поверить не могу тому, что вы это сделали, – произнесла она холодно.

Адхам посмотрел на нее. Трудно было прочесть что-либо в его глазах, его губы, которые, казалось, так жадно хотели ее, были растянуты сейчас в спокойной улыбке. В них не было ни страсти, ни других эмоций. Камень, непреклонный человек.

– Если хотите понять что-то обо мне, то поймите следующее, и как можно скорее, – произнес он твердым голосом. – Я сделаю все что угодно, чтобы добиться своей цели. Я должен вернуть вас шейху Хассану, и я сделаю это.

Изабелла верила его словам – поработоритель со шрамами на теле и непроницаемыми глазами мог с легкостью добиться

своего. А вот она – нет. Словно она зашла в мелкий бассейн, а оказалась посередине океана.

Войдя в апартаменты, Адхам захлопнул дверь. Она пыталась не думать, что дверь эта была для нее стальной решеткой.

– Как вы узнали? Как вы меня нашли так быстро?

– Я ожидал этого. Я имел дело с выдающимися умами, и уж одна наивная принцесса меня не сможет обхитрить. На двери есть сигнализация, сигнал которой передается мне на мобильный телефон, а лестница гораздо быстрее лифта.

Пытаясь справиться с мучительной болью, подавляя слезы, грозившие хлынуть рекой, Изабелла закрыла глаза. Она не хотела распускать нюни перед ним. Не хотела, чтобы он заметил ее поражение.

Ждать от него доброго жеста – все равно что пытаться прослезить гору. Невозможно. Невозможно воззвать к тому, чего у него нет.

– Идите спать, Изабелла. – Его голос был таким же каменным, как и он сам.

Резко кивнув, спотыкаясь, она пошагала в комнату и захлопнула за собой дверь.

Вышагивая из угла в угол, Адхам взял телефон, лежащий на кофейном столике, быстро набрал номер брата.

– Салам, брат, – поздоровался Адхам.

– Салам, – ответил Хассан, и в голосе его читались вопросительные нотки. – Ты нашел Изабеллу?

– Я нашел твою своенравную невесту, как ты просил.

– Она в порядке?

– Она неведима, если ты имеешь в виду это. Но она пыталась бежать снова.

– Она несчастлива? – Его брат, казалось, был по-настоящему обеспокоен.

– Это просто избалованное дитя. У нее нет причин быть недовольной – у нее есть все, что нужно.

– Мне очень жаль, что она так противится замужеству. Этот союз нам столь необходим, и свадьба – наилучший способ скрепить сделку, – тяжело выдохнул Хассан в трубку.

– Мне понятна причина вашего союза, но она ведет себя как ребенок.

– Ты думаешь, она не годится мне в жены?

– Я с большой радостью передам ее тебе как можно скорее, и пусть она станет отныне твоей заботой.

– Как я буду рад встрече с ней, – засмеялся Хассан. – Можно ли сделать что-либо, чтобы порадовать ее? Может, сделать ей подарок? Кольцо, которое ей будет по душе?

– Она хочет посмотреть Эйфелеву башню, – выпалил Адхам.

– Простое желание.

– В ее голове поселилась мысль, что ей не хватает жизненного опыта. И теперь она хочет отправиться на поиски приключений.

– До свадьбы еще два месяца, Адхам. Если она действи-

тельно этого хочет, то не вижу причин ей мешать – при условии, что это не приключения в постели с мужчиной, – ответил Хассан после недолгого раздумья.

Голос брата звучал как-то по-новому: в нем слышались нотки отчаяния, которых раньше не было. Адхам чувствовал, что просьба брата имела мало общего с Изабеллой.

– Я не нянька, – повторил он уже однажды сказанные слова. – Присылай сюда своего человека, и пусть он наблюдает, как избалованная принцесса воплощает в жизнь мечту.

– Никому я так не доверяю. Другой мужчина может соблазниться ею. Ты должен был заметить, насколько она красива.

Адхам заметил – трудно было не заметить. Ни один мужчина, в жилах которого текла кровь, не мог остаться равнодушным к ее прелестям. И поэтому он не хотел находиться рядом с ней дольше положенного.

– Ты обеспечишь ее безопасность? – требовательно спросил Хассан.

– Даю слово и клянусь честью, я буду оберегать ее от любого зла. Она останется неприкосновенной. – Клятва эта шла от самого сердца. Он всегда и с радостью служил брату – он был его семьей, единственной родней, и не было связи сильнее, чем кровная.

– Я тебе полностью доверяю, Адхам, – продолжал Хассан. – Оберегай ее и постарайся настроить на веселый лад, и она успокоится.

– Как скажешь, – выдавил Адхам и положил трубку.

Он отбросил телефон на диван, пытаясь успокоиться. Он чувствовал себя лисой, которую поставили охранять курятник.

С поцелуем он явно не рассчитал – разве он мог ожидать такой реакции на столь простое действие?

Он хотел ее, но одновременно понимал, что Изабелла – та единственная женщина во всем мире, которая была для него под запретом.

Но здесь речь шла о силе самообладания. Приняв единожды решение, он не отступит от него. Никогда не отступал.

Глава 3

Следующим утром Изабелла тихо пробралась в гостиную. Глаза опухли от слез и недостатка сна. Но больше она себя не жалела.

Убрав густые волосы в хвост, она прошла через просторную гостиную в кухню. На столе стояла корзина с фруктами, из которой она взяла яблоко и уселась за небольшой обеденный столик.

Минутой позже появился Адхам, вышагивая крупной поступью. Его мокрые черные волосы завитушками складывались вокруг белоснежного воротника рубахи. От него веяло свежестью и чистотой. Мужской запах его тела перемешивался с нотками сандалового дерева – экзотическими, острыми и такими эротичными. Никогда раньше Изабелла не замечала запаха мужчины. Одеколон отца, гель после бритья, которым пользовался брат, но запаха тела – никогда. А сейчас она ощущала его, и легкие ее сжимались, словно неспособные вобрать достаточно воздуха.

– Доброе утро, – приветствовала она, положив яблоко на стол.

Он посмотрел на нее недоверчивым, вопросительным взглядом и резко открыл дверь холодильника в поисках еды.

– Вы поели? Она помотала головой:

– Нет, я только что встала.

– Ночные шатания по улицам могут утомить кого угодно.

Изабелла стиснула зубы, готовая выпалить все злобные слова, которые крутились в голове – в свое оправдание и объяснение. Но на Адхама они не подействуют. Для него она была не более чем посылкой, которую нужно доставить в срок.

– А что вы хотели? Я познаю мир.

– Никогда больше не подвергайте себя такой опасности, Изабелла. Вы не понимаете, насколько опасен мир. Да и как вы можете понять? – произнес он, резко захлопнув дверь холодильника и уставившись на нее своими темными, непроницаемыми глазами.

– Я живу в окружении телохранителей. Я все понимаю.

– Я бы так не сказал, судя по вашему поступку прошлой ночью.

– Я не думала, что престижный район, в котором находится ваш пентхаус, представляет какую-либо опасность.

– Опасность может подстерегать везде, даже в самых роскошных районах, и в особенности в этом.

По мрачным ноткам, прозвучавшим в его голосе, Изабелла поняла: он говорит о собственном печальном опыте. Рубцы его были глубокими, а те, что были на поверхности, – лишь намек на то, что скрывалось под одеждами. Она не чувствовала отвращения, наоборот, ей было любопытно, кто же этот человек – человек, которому шейх доверял больше всех. Человек, который был бесстрашен, но боялся за ее безопасность.

Взяв яблоко, лежащее на столе, Адхам положил его обратно в корзину:

– Пойдемте в кафе. Вы посмотрите город.

– Я думала, вы не нянька, – заметила она осторожно, но все же с искоркой надежды.

– Да, не нянька. Считайте, что это экскурсионный тур по жизни.

– Почему вы передумали? – спросила Изабелла с опаской и волнением.

– Я к этому не имею никакого отношения. Так хочет Хасан. Было бы по-моему, вы бы уже давно сидели в самолете до Умараха и не представляли бы проблемы. Но ваш будущий супруг посчитал уместной вашу просьбу о приобретении жизненного опыта. В рамках дозволенного, безусловно.

Наверное, то же самое чувствуют заключенные, узнавшие об отсрочке приговора. Отсрочка отсрочкой, но приговор все равно будет приведен в исполнение. И остатки дней своих проведет она с тюремным надзирателем, который будет сопровождать ее повсюду. Изабелла старалась не думать о том, что случится после Парижа. Сейчас ее время, она заслужила его. Заслужила делать то, что интересно ей.

– Спасибо. – Ком в горле не давал говорить. Она подошла к нему ближе и обняла за шею.

Адхам стоял неподвижно – руки словно приколоты к боксам. Он боялся сделать хоть малейший вдох, от которого мог потерять самообладание и поддаться желанию, пронизываю-

щему все тело.

Он не помнил, когда его вот так в последний раз обнимала женщина. Лгнули, целовали, терлись бедрами – да, но чтобы просто обнимали, в знак доброты или симпатии... Вряд ли он когда-либо испытывал такое. Семьи у него не было уже давно, не было простого человеческого общения – он уже забыл, каково это. После смерти родителей остались только он и Хассан, и никто из них не мог открыто проявлять родственную любовь.

– Мне не нужна ваша благодарность, – сказал он, отстраняясь. Тело было напряжено, но он не хотел осознавать, что бы это могло значить. – Я здесь ни при чем.

Изабелла широко раскрыла глаза. Какая несправедливость. Она ведь женщина, а не ребенок, но, казалось, она с легкостью менялась ролями. Была женщиной, когда хотела пленить. Когда хотелось сочувствия, превращалась в милого, невинного ребенка. Всего лишь маска, театральный акт – хоть и правдивый, но вряд ли подействует на него. Прикусив губу, она опустила голову:

– Извините, но это единственная возможность узнать, что вы собой представляю. Такой, как вы, не поймет этого.

– Такой, как я? – переспросил Адхам, забавляясь догадкой о том, что его приняли за телохранителя.

– Вы с самого рождения были свободны, могли принимать решения. У меня не было такой возможности. Более... более того, не знаю, смогу ли объяснить. Просто знаю, что мне

нужна своя история.

– Да, и что же в первом пункте? – спросил он, сложив руки на груди, абсолютно безразличный к ее словам.

– Хочу делать то, чего раньше не делала. Пойти в кино. Или клуб...

– Только не клуб, – сказал он безразлично.

Ее же атакуют мужики. Воспитана она была вне реального мира и наверняка представить себе не могла, какой эффект оказывает на мужчин. Она пыталась флиртовать с ним – невинная попытка. Но в клубе она будет ягненком среди волков.

– Хорошо, не клуб, – согласилась Изабелла, несколько не огорчившись. – Но непременно Эйфелева башня, Елисейские Поля, ресторан. И конечно, покупки!

– Одевайтесь, мы идем завтракать.

* * *

Сделав глоток эспрессо и откусив кусочек булочки, Изабелла закрыла глаза и вздохнула с удовольствием.

По телу разлилось тепло, и в низу живота заиграла кровь – он весь напрягся.

Изабелла была такой чувственной – Адхам не замечал этого раньше. Смотреть, как она ест и пьет, слышать звуки наслаждения – словно мурлыканье кошки, смотреть, как закрываются ее глаза в восторге, как она убирает языком

крошки с сочных губ – все это было настоящим испытанием.

Сильнейшее возбуждение подавлялось только чувством отвращения, поселившимся в душе, – она принадлежала брату, была под запретом. Ему нельзя прикасаться к ней. Он не должен был смотреть на нее как на женщину. А он смотрел, он желал, но он не притронется к ней – никогда. Никогда больше. Тогда, в узком переулке, он был вынужден это сделать. Но такое больше не повторится.

Адхам не предаст брата. Он не мог пожертвовать той преданностью, которая существовала между ними, ради какой-то женщины. Узы, связывающие его с братом, всегда были сильны, а после смерти родителей их связь стала еще теснее. Хассан посвятил жизнь управлению Умарахом. Адхам же положил свою жизнь на защиту Хассана и народа. Они были как правая и левая рука одного тела.

Он не мог поставить все это под удар.

– Замечательное место, просто как сказка.

Изабелла сделала глубокий вдох, и его взгляд упал на поднимающуюся грудь.

У нее были совсем другие фантазии.

– Ни один город мира не может сравниться с атмосферой Парижа, хотя я люблю пустыню. Мне нравится зной, безлюдное пространство, – произнесла она, слегка сморщив лоб. – Я никогда не была в пустыне, но могу представить себе, как там красиво. Мне почему-то представляются кактусы и ослепительно-белые кости.

– Красоту пустыни непросто полюбить – ей не будешь восхищаться, как архитектурой Парижа или зелеными горами Турана. Красота ее жестока и бесплодна – там только песок и небо. От человека требуется определенное присутствие духа, но, приняв вызов и научившись выживать, он не сможет остаться равнодушным.

– Вы приняли вызов? Вы укротили пустыню? – спросила Изабелла, улыбаясь своими блестящими голубыми глазами.

– Нет, не укротил. Это невозможно – невозможно укротить суровые песчаные бури, беспощадный зной и ядовитых рептилий. Самое большее, на что можно надеяться, – что она позволит тебе мирно сосуществовать.

– И пустыня женского рода? – Ее губы растянулись в полуулыбке.

– Конечно, она женщина – только женщина может быть такой суровой и властной.

– Даже не знаю, какую свободу можно найти в пустыне, – произнесла Изабелла после нескольких минут молчания.

– Свободу, которая требует ответственности. Вы должны уважать и ценить каждую крупинку – каждую секунду, соблюдать правила и рамки дозволенного.

– Помнить о долге и блюсти честь?

– А разве в жизни есть что-то более важное, чем долг и честь, Изабелла? Если люди перестанут считаться с этими понятиями, что будет двигать миром?

Изабелла не хотела признаваться, насколько верны были

его слова. Она поняла значимость своего союза с Хассаном, великим шейхом Умараха. Их союз был важен для экономики страны.

Понятия чести и долга были расплывчатыми, а вот ее будущее – вполне реальным. Ее приносили в жертву на благо народа, как ягненка.

– Я смирилась с той тропой, которая мне предназначена, Адхам, – вымолвила она дрожащим голосом. – Мне лишь хотелось найти окольный путь.

– И куда бы вы хотели направиться сейчас, принцесса, – по окольному пути? – Голос его звучал резко. Снисходительно. Какой контраст. Ей показалось, он проникся ее словами, но она ошиблась.

«Что ж, хорошо, мне он тоже безразличен», – подумала Изабелла.

– Почему бы нам не прогуляться? Осмотреть достопримечательности?

Он кивнул. Конечно, он не одобрял ее желания. Даже формально соглашаясь, он был настолько напряжен, что Изабелле хотелось отделаться от него.

Они зашагали вверх по бульвару. Она шла позади него, на некотором расстоянии. Даже если весь мир рухнет, он все равно будет целиком сосредоточен на ней. Она чувствовала его внимание – по коже бежали мурашки, а живот словно перетянули канатом.

Ей пришлось ускориться, чтобы нагнать его: он делал

один шаг, ей приходилось делать два. Вдоль тротуара друг за другом стояли туристические автобусы, из которых толпами высыпали туристы. Группами, парами – они держались за руки. Разгуливая по улицам Парижа, ей хотелось держать его за руку.

Догнав его, она легко коснулась его ладони, сердце подпрыгнуло в груди. Но он даже не посмотрел на нее, как будто не заметил попытки.

Зато она не упустила того, как плотно его рука сжалась в кулак – сухожилия натянулись, а рубцы расправились.

Лицо Адхама было суровым, неподвижным и невероятно красивым. На нем виднелись отметины времени и пережитого. Шрамы вовсе не портили мужскую красоту. Их словно нанесли кистью художника, передавая его характер.

Нет, Адхам не мог попасть под действие ее чар. Он был абсолютно из другого мира – по многим параметрам, которые ей было даже не счесть. Изабелла не знала, сколько ему лет, но совершенно точно гораздо больше двадцати одного. Прибавить к ним опыт – и они словно из разных эпох.

Осознав величину пропасти, которая их разделяла, Изабелла почувствовала себя неуютно.

Она повертела головой. «Не важно, что он думает. Ему не жить моей жизнью, а вот мне – придется», – пронеслось у нее в голове.

В конце зеленой аллеи возвышалась башня. Повсюду сно-

вали толпы людей, они фотографировали себя и замысловатые сооружения. «Интересно, как мы смотримся вместе?» – подумала Изабелла.

Она заметила, как женщины резко оборачивались и едва ли не ломали себе шеи, оглядываясь на Адхама. Чувство гордости боролось в ней с каким-то неприятным ощущением.

– Сфотографируйте меня, пожалуйста, – попросила она, нащупывая крохотную цифровую камеру в своей сумочке, которую положила туда еще до побега из дома брата. Ей хотелось запечатлеть эмоции. В память о времени ее свободы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.